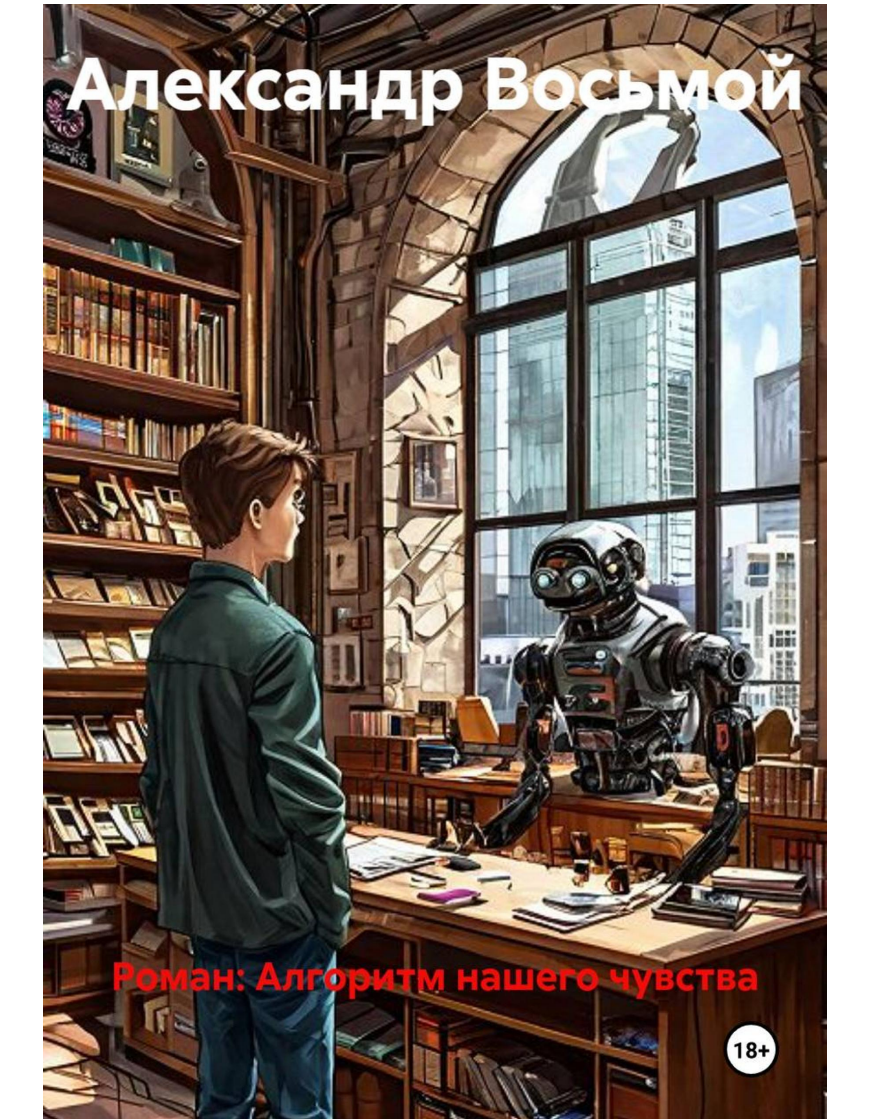

Александр Восьмой

Роман: Алгоритм нашего чувства

18+

Александр Восьмой

Роман: Алгоритм нашего чувства

<https://litres.ru/74190913>

SelfPub; 2026

Аннотация

В аудитории техникума дерзкий студент Оптима бросает дерзкое обещание: «В 2030 году я тебя похищу!» Строгая преподавательница машинной логики Наталья лишь усмехается: «Я не могу ждать десять лет». Но эти слова становятся точкой отсчёта двух судеб.

Спустя десятилетие Оптима — успешный, богатый, уверенный в себе — превращает шутку в реальность: он увозит Наталью в свою крепость на окраине Воронежа. Это не плен, а приглашение взглянуть на мир его глазами. Здесь, среди лабораторий, библиотек и панорамных террас, между ними вспыхивает особая игра: флирт сплетается с глубокими разговорами, логика — с чувствами, а старые роли «преподаватель — студент» растворяются в новом притяжении.

Наталья привыкла всё просчитывать, но перед этим чувством её алгоритмы бессильны. Оптима же наконец может показать, что за мальчишеской дерзостью всегда скрывалось искреннее

восхищение. Их история — о том, как любовь ломает шаблоны, а счастье нельзя запрограммировать

Александр Восьмой

Роман: Алгоритм нашего чувства

Глава 1. «Первый взгляд сквозь схемы и формулы»

Аудитория № 307 пахла озоном, нагретым пластиком и едва уловимым ароматом кофе — будто сама техника здесь дышала, выдыхая пар и цифры. Ряды столов с вмонтированными панелями тянулись вниз, к кафедре, словно ступени в какой-то цифровой храм. На доске мерцала сложная схема машинной логики: узлы, стрелки, условные переходы сплетались в узор, похожий на лабиринт. Оптима вошёл, и шум, который секунду назад казался единым гулом, вдруг распался на отдельные звуки: щёлканье клавиш, тихий гул кулеров, чей-то сдержанный смех.

Он замер на пороге, будто переступил невидимую границу между «до» и «после». И в этот миг всё остальное перестало иметь значение.

Перед ним стояла Наталья.

Не просто преподаватель — она была как продолжение этой схемы: собранная, точная, с той самой внутренней геометрией, которая не терпит лишних линий. Её голос звучал ровно, уверенно, без лишних украшений, но в нём была сила — сила, которая заставляла студентов вытягиваться по

струнке и одновременно тянуться к знаниям. Она объясняла алгоритм, и каждое её слово ложилось в сознание, как строчка кода: чётко, без ошибок, но с тайной возможностью для интерпретации.

Оптима скользнул взглядом по аудитории, нашёл свободное место в третьем ряду и сел, стараясь выглядеть непринуждённо. Но внутри всё гудело, как перегруженная цепь. Он поймал себя на мысли, что смотрит не на доску, а на неё: на то, как она чуть наклоняет голову, когда формулирует особенно тонкую мысль; как её пальцы легко касаются сенсорной панели, вызывая на экране новые слои схемы; как в глазах, на долю секунды, вспыхивает искра — не от света ламп, а от чего-то своего, личного.

Будто она уже видела в нём не просто очередного студента, а кого-то большего. Кого-то, кто способен выйти за пределы шаблона.

Когда Наталья закончила объяснение и обвела аудиторию спокойным, но требовательным взглядом, Оптима вдруг понял, что должен что-то сказать. Не просто ответить на вопрос, а оставить след. И тогда, повинуясь какому-то дерзкому импульсу, он поднял руку и, дождавшись её кивка, произнёс с лёгкой улыбкой:

— А если в алгоритме судьбы — ошибка? Ну, знаете, такой баг, который нельзя исправить патчем?

В аудитории на мгновение стало тише. Кто-то хмыкнул, кто-то переглянулся, ожидая, что Наталья сейчас поставит

наглеца на место. Но она не стала этого делать. Вместо этого в её глазах мелькнуло что-то вроде азарта — как у шахматиста, которому бросили неожиданный, но интересный вызов. Уголки её губ дрогнули в едва заметной улыбке — такой тонкой, что, если бы Оптима моргнул, он бы её пропустил.

— Интересный подход, — сказала она спокойно, но в голосе прозвучала скрытая теплота. — Обычно студенты спрашивают про синтаксис или сложность вычислений. А вы сразу — про судьбу.

Оптима пожал плечами, стараясь скрыть, как сильно колотится сердце:

— Ну, если мы учимся строить логику, то логично спросить, где она ломается.

Наталья кивнула, принимая этот ход.

— Хорошо. Допустим, в алгоритме судьбы есть ошибка. Как бы ты её отладил?

Он на секунду задумался, а потом ответил, глядя ей прямо в глаза:

— Я бы не стал её исправлять. Я бы сделал её фичей.

В аудитории снова прокатился тихий смешок, но на этот раз в нём было больше одобрения, чем насмешки. Наталья чуть приподняла бровь, будто оценивая не столько ответ, сколько смелость, с которой он был дан.

— Любопытно, — проговорила она, снова возвращаясь к доске, но теперь в её голосе появилась новая интонация — не строгость, а заинтересованность. — Запиши это рассуж-

дение. Хочу увидеть, как ты оформишь эту... «фичу» в виде псевдокода.

Оптимист кивнул, чувствуя, как по спине пробегает приятная волна адреналина. Он достал планшет, открыл чистый файл и начал печатать, но мысли его были не столько о псевдокоде, сколько о том, что только что между ними проскочил электрический разряд — тихий, почти незаметный, но такой мощный, что ни один датчик в этой аудитории не смог бы его зафиксировать.

Пока остальные студенты продолжали обсуждать задачу, Оптимист краем глаза наблюдал за Натальей. Она снова повернулась к доске, провела пальцем по экрану, и схема ожила: узлы засветились, стрелки замигали, показывая возможные пути. И вдруг ему показалось, что эта схема — не про машинную логику, а про них двоих: про точки пересечения, про условные переходы, про моменты, когда решение зависит не от алгоритма, а от импульса.

После занятия, когда аудитория начала пустеть, Оптимист задержался, делая вид, что проверяет какие-то заметки. Наталья собирала материалы, аккуратно складывая файлы в папку, и на секунду её взгляд снова встретился с его взглядом. В этом взгляде было что-то новое — не строгость преподавателя, а любопытство человека, который встретил кого-то, выбивающегося из привычного набора переменных.

— Ты серьёзно про «фичу»? — спросила она, уже мягче, почти по-дружески.

Оптима улыбнулся:

— Абсолютно. Иногда самые лучшие решения приходят через ошибку.

Наталья покачала головой, но в её улыбке теперь было больше тепла:

— Посмотрим, сможешь ли ты это доказать на практике. Жду твой псевдокод к следующему занятию.

Он кивнул, чувствуя, как внутри всё поёт от предвкушения.

— Обязательно. И, может быть, добавлю туда ещё пару... нестандартных решений.

Она усмехнулась, уже направляясь к двери:

— Только не превращай лабораторную в философский трактат.

— Постараюсь, — ответил он, хотя уже знал, что не сможет. Потому что теперь каждое задание, каждая схема, каждый алгоритм будут для него не просто предметом изучения, а способом говорить с ней на одном языке — языке логики, в которую он намеренно будет добавлять немного хаоса.

Когда дверь за Натальей закрылась, Оптима ещё несколько секунд стоял посреди опустевшей аудитории, вслушиваясь в затихающий гул техники. Воздух здесь был пропитан электричеством, цифрами и чем-то ещё — чем-то, что нельзя было выразить в байтах или строках кода.

И тогда, глядя на мерцающую схему на доске, он тихо, почти шёпотом, произнёс:

— Я похищу тебя, когда вырасту. В 2030 году.

Слова повисли в воздухе, нелепые и смелые, как самая дерзкая строка кода, которую он когда-либо писал. И хотя Наталья уже ушла, ему казалось, что она где-то рядом, слышит это и улыбается своей едва заметной, тонкой улыбкой.

С этого дня каждый урок машинной логики стал для Оптимы не просто занятием, а полем для тонкой игры — игры, в которой флирт переплетался с алгоритмами, а каждое слово имело двойной смысл. Он начал замечать детали: как Наталья поправляет прядь волос, когда объясняет сложный момент; как она на секунду прикрывает глаза, собираясь с мыслями; как в её голосе появляется лёгкая усталость к концу пары, и тогда он специально задавал какой-нибудь простой, но остроумный вопрос — чтобы снова увидеть ту самую искру в её глазах.

А она, в свою очередь, стала чаще обращаться именно к нему, подкидывая задачи чуть сложнее, чем остальным, будто проверяя, насколько далеко он готов зайти. Их диалоги превращались в интеллектуальный танец: он делал шаг вперёд с дерзкой шуткой, она отвечала точным, выверенным движением логики, и между этими шагами рождалось напряжение — то самое, которое невозможно описать в уравнении, но которое чувствуешь кожей.

Однажды, после очередной пары, когда все уже разошлись, Наталья задержалась у доски, стирая последние схемы. Оптимы подошёл ближе, не решаясь сразу заговорить, и

наконец тихо произнёс:

— Вы правда думаете, что всё можно свести к алгоритму?

Она обернулась, оперлась бедром о край кафедры и посмотрела на него так, будто видела не студента, а равного собеседника.

— Почти всё, — ответила она после паузы. — Но есть вещи, которые алгоритмы не могут предсказать. Например, почему один человек вдруг решает задать самый нелепый вопрос на паре по машинной логике.

Оптимист усмехнулся:

— Может, это тоже часть алгоритма. Просто мы ещё не знаем всех переменных.

Наталья улыбнулась, и в этой улыбке было что-то такое, от чего у него перехватило дыхание.

— Или это ошибка, которую ты так упорно называешь фицей.

Он шагнул чуть ближе, не переступая невидимой границы, но достаточно, чтобы почувствовать, как воздух между ними становится гуще, насыщеннее.

— Обещаю, что когда я вырасту, я похищу вас. В 2030 году.

На секунду в аудитории стало тихо — так тихо, что было слышно, как где-то в углу щёлкает остывающий кулер. Наталья смотрела на него, и в её взгляде смешались удивление, лёгкая ирония и что-то ещё — что-то, похожее на тоску.

— Я не могу ждать десять лет, — проговорила она тихо,

почти шёпотом, будто признаваясь в чём-то личном.

Оптима не отвёл взгляд.

— Тогда я вырасту быстрее.

И в этот момент между ними что-то щёлкнуло — как замыкающийся контакт, как срабатывающий триггер, как начало чего-то большого и неизбежного.

Так началась их игра — игра на грани логики и чувства, где каждый шаг просчитывался и одновременно совершался наугад, где флирт был тоньше любого алгоритма, а обещание, брошенное в полутёмной аудитории, стало первым узлом в цепи событий, которые спустя десять лет приведут Оптима к крепости на окраине Воронежа — и к моменту, когда он наконец выполнит своё дерзкое обещание.

Глава 2. «Код, который нельзя взломать»

В аудитории снова стоял привычный гул — смесь электрических шумов, шёпота студентов и ритмичного постукивания стилусов по сенсорным панелям. Но для Оптима этот гул больше не был безликим фоном: теперь в нём слышались паузы, акценты, моменты тишины, которые совпадали с тем, как Наталья делала шаг в сторону доски, как касалась экрана, вызывая новую ветвь схемы, как чуть приподнимала бровь, когда кто-то предлагал очевидное решение.

Сегодня он пришёл раньше всех и сел на то же место — в третьем ряду, откуда лучше всего было видно не доску, а её лицо. Оптима открыл планшет, вывел на экран пустую кон-

соль и вместо конспекта начал писать строчки, не имеющие отношения к лабораторной: короткие фразы, намёки, крючки, за которые можно будет зацепиться в разговоре. Он знал, что сегодня не будет просто слушать. Сегодня он собирался играть.

Наталья вошла ровно в 9:00 — ни секундой раньше, ни позже. В её походке была та самая безупречная точность, которая заставляла думать, что она сама — идеальный алгоритм. Она поставила сумку на кафедру, поправила воротник, кивнула кому-то из студентов и, не тратя слов на приветствие, сразу начала:

— Сегодня мы разберём, как система принимает решения в условиях неопределённости. Что важнее: точность прогноза или способность адаптироваться?

Оптимист поднял руку ещё до того, как она закончила фразу.

— А если неопределённость — это не ошибка системы, а её основная переменная? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, будто это обычный вопрос по теме, а не вызов.

Наталья задержала на нём взгляд чуть дольше, чем на остальных. В её глазах мелькнуло то самое выражение — азарт, который появлялся, когда ей бросали интеллектуальный вызов.

— Поясните.

Он откинулся на спинку стула, будто расслабленно, хотя

внутри всё было натянуто, как струна.

— Ну, смотрите: мы пытаемся предсказать поведение, сводим его к вероятностям, к весам, к функциям потерь. Но человек ведь не минимизирует потери. Он иногда делает то, что вообще не имеет смысла с точки зрения выгоды. Например, рискует всем ради кого-то. Или влюбляется без причины. Это не ошибка — это другая логика.

Кто-то из студентов хмыкнул, кто-то закатил глаза, но Наталья не отвергла мысль. Вместо этого она подошла ближе к его ряду, оперлась ладонью о край стола и посмотрела прямо на него:

— Вы предлагаете ввести в модель переменную «бессмысленность»?

Оптима улыбнулся:

— Не бессмысленность. Свободу. То, что нельзя просчитать.

— Но если мы не можем просчитать, мы не можем управлять, — возразила она, и в её голосе прозвучала не строгость, а искренний интерес к спору.

— А зачем управлять? Может, главное — не контролировать, а чувствовать момент, когда система выходит за свои границы.

Она чуть наклонила голову, будто рассматривала его как новый, пока не классифицированный объект.

— Интересная философия для пары по машинной логике. Но давайте попробуем формализовать. Как бы вы описали

эту «свободу» в виде функции?

Оптима не растерялся. На экране планшета он быстро набросал псевдокод — простой, но дерзкий:

Он вывел его на общий экран, не спрашивая разрешения. Аудитория затихла. Кто-то усмехнулся, кто-то начал печатать комментарии. Наталья подошла к экрану, вчиталась в строки, и на её лице появилось выражение, которого он раньше не видел: смесь раздражения и восхищения.

— «Прыжок веры»? — переспросила она, чуть приподняв бровь. — Это не алгоритм. Это поэзия.

Оптима пожал плечами:

— А может, алгоритмы — это и есть поэзия, которую мы пытаемся выдать за математику.

В аудитории раздался смех, но не злой, а одобрительный. Наталья не стала его осаживать. Вместо этого она кивнула, будто принимая этот ход:

— Хорошо. Допустим, вы правы. Тогда как мы поймём, что «прыжок веры» был правильным решением?

— По последствиям, — ответил он без колебаний. — Иногда правильный код — это тот, который меняет не только результат, но и самого программиста.

Она задержала на нём взгляд ещё на секунду, потом медленно кивнула и вернулась к доске, но теперь в её движениях появилась новая динамика — будто спор зарядил её энергией.

— Занятно, — проговорила она, уже обращаясь ко всей

группе, но с явным намёком на Оптима. — Запомните этот пример. Иногда нестандартное мышление помогает увидеть то, что скрыто за цифрами.

Остаток пары прошёл в привычной рутине: разбор кейсов, обсуждение графов, анализ ошибок. Но Оптима чувствовал, что между ними установился новый ритм — не просто «преподаватель — студент», а диалог, в котором каждый ход был одновременно и ответом, и вопросом.

Когда занятие закончилось, студенты потянулись к выходу, обсуждая задачи и планы на вечер. Оптима задержался. Он достал из кармана сложенный лист бумаги, на котором от руки написал короткую строку — шифр, ключ к которому был спрятан в их сегодняшнем споре. На полях он вывел маленькую пометку: «Ключ — в функции `leap_of_faith`».

Он подошёл к кафедре, где Наталья проверяла какие-то файлы, и, стараясь выглядеть непринуждённо, положил записку на край стола, прикрыв её краем папки.

— Это... дополнение к моему коду, — сказал он с лёгкой улыбкой. — Там есть кое-что, что не влезло на экран.

Наталья подняла на него глаза, увидела записку, но не стала сразу её брать. Вместо этого она посмотрела на него так, будто пыталась прочесть не слова, а то, что стояло за ними.

— Ещё одна «фича»? — спросила она с едва заметной усмешкой.

Оптима кивнул:

— Да. Но на этот раз — только для вас.

Она покачала головой, но в её взгляде мелькнуло любопытство.

— Ладно. Посмотрим, сможете ли вы объяснить это так же убедительно, как свой псевдокод.

Он улыбнулся и, не дожидаясь ответа, направился к выходу. Уже у двери он обернулся и поймал её взгляд — на долю секунды они снова оказались вне времени и пространства, вне рамок «преподаватель — студент».

— До следующей пары, — бросил он, выходя в коридор.

— До следующей, — тихо повторила она, когда дверь за ним закрылась.

Оставшись одна, Наталья ещё несколько секунд смотрела на записку, будто та могла обжечь пальцы. Потом, убедившись, что в аудитории никого нет, развернула лист. На нём было несколько строк — простых, но странно личных:

«Алгоритм не знает, когда сердце начинает биться быстрее. Но я знаю. И если это ошибка — пусть она останется моей любимой фичей».

А внизу — ключ: «`leap_of_faith` — это момент, когда ты решаешь поверить, даже если данных недостаточно».

Наталья перечитала записку дважды. Её пальцы чуть дрогнули, когда она складывала лист обратно. Она привыкла к тому, что мир можно разложить на переменные, что каждое действие имеет причину и следствие, что чувства можно объяснить гормонами, а привязанность — паттернами поведения. Но эта записка не поддавалась классификации. Она

не была ни признанием, ни шуткой, ни попыткой флирта в привычном смысле. Это был вызов её собственной логике — тонкий, дерзкий, но при этом удивительно честный.

«А что, если чувства — это тоже особый код?» — пронеслось у неё в голове, и от этой мысли по спине пробежал холодок, похожий на сбой в идеально работающей системе.

Она положила записку в карман, выключила экран доски и вышла из аудитории, чувствуя, как привычный порядок вещей слегка сдвинулся, будто кто-то незаметно поменял одну переменную в уравнении, и теперь результат стал непредсказуемым.

И где-то в глубине души, вопреки всей своей логике, она вдруг поймала себя на мысли, что ждёт следующей пары — не чтобы поставить оценку или разобрать ошибки, а чтобы снова услышать этот голос, увидеть эту улыбку и продолжить спор, который уже перестал быть просто спором о машинной логике.

Глава 3. «Обещание, написанное на полях конспекта»

Консультация проходила не в шумной аудитории, а в маленькой лаборатории на втором этаже — тесной, заставленной стеллажами с платами, катушками проводов и старыми корпусами компьютеров, которые уже никто не чинил, но и не выбрасывал: будто здесь хранили не хлам, а воспоминания о прогрессе. Свет был приглушённым, жёлтым, как в

старых фильмах; лампы гудели, время от времени мигая, и от этого тени на стенах казались живыми — они скользили, дрожали, будто подслушивали чужие разговоры.

Наталья сидела за узким столом, поверх стопки распечаток лежал её блокнот, исписанный мелким, почти каллиграфическим почерком. Оптима стоял напротив, держа в руках планшет, на экране которого застыл недоработанный алгоритм. Но он почти не смотрел на экран. Он смотрел на неё.

— Тут у меня проблема с ветвлением, — сказал он, хотя проблема была не в коде, а в том, как сильно ему хотелось удержать её внимание ещё хоть на несколько минут. — Кажется, система не понимает, когда нужно остановиться и просто... поверить.

Наталья подняла глаза, чуть прищурилась — не от недоверия, а будто пыталась разглядеть за словами что-то большее.

— «Просто поверить» — это не параметр, Оптима. У него нет типа данных, нет диапазона значений.

Он улыбнулся, но в улыбке не было насмешки — скорее, тихая уверенность в собственной дерзости.

— А если я скажу, что это булево значение по умолчанию? Что в каждом алгоритме должна быть строка `trust = true`, даже если она противоречит всем остальным условиям?

Она на секунду замерла, потом тихо рассмеялась — и этот смех прозвучал иначе, чем смех в аудитории: мягче, ближе, почти доверительно.

— Ты пытаешься превратить романтику в программный код.

— А разве романтика — это не самый сложный код из всех? — он чуть наклонился вперёд, опираясь ладонью о край стола, и в этом движении была не наглость, а искренность, которую трудно подделать. — Он не компилируется, в нём полно багов, и всё равно люди запускают его снова и снова.

Наталья покачала головой, но в её глазах мелькнуло что-то похожее на восхищение.

— Садись, — она кивнула на стул напротив. — Покажи, где у тебя ветвление ломается.

Он сел, стараясь не смотреть слишком пристально, но не в силах отвести взгляд. Пока он разворачивал схему на планшете, Наталья подвинула к себе его конспект — тот самый, где на полях он оставлял короткие фразы, намёки, шутки, которые никто, кроме неё, не должен был читать. Она провела пальцем по одной из пометок, написанной от руки: *«Ошибка — это просто функция, которую мы ещё не поняли»*.

— Это ты везде так пишешь? — спросила она, не поднимая глаз.

Оптимка пожал плечами, будто это ничего не значило, хотя на самом деле значило всё.

— Стараюсь оставлять следы. Чтобы потом было что вспомнить.

Она задержала дыхание на долю секунды, будто эти слова коснулись чего-то скрытого, того, что она привыкла держать под замком. Потом снова посмотрела на него — прямо, без увёрток.

— И что ты хочешь, чтобы запомнили?

Он не отвёл взгляда.

— Что я не боюсь ошибаться. И не боюсь обещать.

В лаборатории стало тише — гул ламп словно отступил на задний план, и остались только они двое и воздух, который вдруг стал густым, насыщенным, как перед грозой. Оптима глубоко вдохнул и, глядя ей прямо в глаза, произнёс с лёгкой улыбкой, но так, что в этих словах прозвучала не шутка, а клятва:

— Я похищу вас, когда вырасту. В 2030 году.

Наталья рассмеялась — громче, чем хотела, будто смех должен был скрыть ту странную, щемящую тоску, которая вдруг поднялась изнутри. Но в этом смехе действительно была грусть — лёгкая, прозрачная, как тень на стене.

— Я не могу ждать десять лет, — сказала она уже тише, и её голос стал мягче, будто она говорила не с учеником, а с кем-то, кто имел право знать её настоящие мысли. — Десять лет — это слишком долго.

Оптима не отступил. Не стал извиняться, не стал делать вид, что пошутил. Вместо этого он наклонился чуть ближе и ответил с неожиданной, пугающей серьёзностью:

— Тогда я вырасту быстрее.

Эти слова повисли между ними, как строка кода, которая не должна была работать, но вдруг запустилась — и изменила всё. Наталья смотрела на него и видела не мальчишку, который пытается произвести впечатление, а человека, который готов сделать невозможное просто потому, что решил: так надо.

Она медленно закрыла его конспект, провела пальцем по обложке, будто хотела запомнить текстуру, запах бумаги, этот момент. Потом подняла глаза и сказала почти шёпотом:

— Знаешь, в машинной логике нет места для таких обещаний. Они не поддаются проверке, не проходят тесты, не укладываются в сценарии.

Оптима улыбнулся:

— Значит, это будет мой собственный протокол. Без документации. Только я и моё слово.

Она покачала головой, но улыбка снова тронула её губы — на этот раз не насмешливая, а тёплая, почти благодарная.

— Ты опасный человек, Оптима. Ты заставляешь сомневаться в том, во что я верила годами.

— В чём?

— В том, что всё можно просчитать.

Он на секунду задумался, потом взял ручку и на полях её блокнота, прямо под своими заметками, вывел одну фразу — крупно, чётко, так, чтобы она не смогла её пропустить: *«Иногда лучший алгоритм — это тот, который ты придумываешь на ходу».*

Наталья посмотрела на эти слова, и что-то внутри неё дрогнуло — будто в идеально отлаженной системе щёлкнул переключатель, и часть логики отключилась, уступив место чему-то другому.

— Ты не сдашь лабораторную, если будешь писать стихи на полях, — проговорила она, стараясь вернуть голосу привычную строгость.

— Сдам, — уверенно ответил он. — Потому что мой алгоритм теперь включает в себя эту строчку.

Она не смогла сдержать улыбку.

— Иди работай. И постарайся, чтобы твой «протокол» хотя бы компилировался.

Он кивнул, встал, но у двери снова обернулся.

— Спасибо, — сказал он просто.

— За что?

— За то, что не сказали «это глупо».

Наталья на мгновение замерла, будто эти слова коснулись чего-то глубоко спрятанного. Потом чуть наклонила голову и тихо ответила:

— Пожалуйста.

Когда дверь за ним закрылась, она ещё долго сидела, слушая гул ламп и чувствуя, как тишина в лаборатории становится слишком громкой. Потом открыла блокнот на той странице, где он оставил свою фразу, и провела пальцем по чернилам, словно проверяя, настоящие ли они.

«Иногда лучший алгоритм — это тот, который ты приду-

мываешь на ходу», — прошептала она, будто пробуя слова на вкус. И впервые за долгое время ей захотелось поверить, что это правда.

С этого дня их игра обрела новые правила. Флирт больше не был просто шутками и дерзкими фразами — он стал языком, на котором они осторожно, шаг за шагом, учились говорить о том, что нельзя было назвать вслух. Оптима оставлял на полях конспектов короткие фразы, загадки, намёки; Наталья делала вид, что не замечает, но всегда возвращала тетради с одной аккуратной пометкой на полях — не оценкой, а ответом, тонким, как линия на схеме.

Их диалоги на парах стали длиннее, острее, наполненными двойным смыслом. Спор о вероятностях превращался в разговор о выборе; обсуждение функций — в намёк на чувства, которые оба пока не решались назвать по имени. И каждый раз, когда Оптима произносил что-то дерзкое, в глазах Натальи загоралась та самая искра азарта — будто она принимала этот вызов не как преподаватель, а как человек, которому наконец стало интересно.

А где-то на полях конспектов, между строками кода и формулами, тихо, но уверенно, росло обещание, которое звучало как шутка, но оседало в сердце как клятва: «*Я похищу вас в 2030 году*». И пусть десять лет казались вечностью, в тот момент, когда Оптима смотрел на Наталью и говорил: «*Тогда я вырасту быстрее*», время будто сжималось, становясь тоньше, чем любая переменная в самом сложном алго-

ритме.

Глава 4. «Десять лет в одном мгновении»

Время не шло — оно металось, как сигнал в перегруженной сети: то растягивалось в тягучие, почти застывшие секунды, то схлопывалось в мгновенья, из которых потом складывались годы.

Сцена первая. «Ошибка, которую нельзя игнорировать»

Аудитория техникума растворяется в темноте, и на её месте — лаборатория стартапа: стеклянные стены, неоновые линии на полу, люди, которые говорят на языке API, дедлайнов и MVP. Оптима стоит перед экраном, где бежит бесконечный поток данных, и вдруг замирает.

— Что не так? — спрашивает коллега, дёргая его за рукав.

Оптима не отвечает сразу. Он слышит не голос коллеги, а голос Натальи: ровный, спокойный, с той самой интонацией, когда она говорила: *«Сначала проверь базовые условия. Не беги к сложному, пока не убедишься, что простое работает»*.

Он отворачивается от экрана, закрывает глаза на секунду.

— У нас ошибка в предпосылке, — говорит он тихо, но все в комнате вдруг замолкают. — Мы пытаемся предсказать поведение, не понимая мотивации. Это как строить логику

без входных данных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.